

подарок. Тогда я обратился с просьбой к Ольге Ильичне, чтобы за короткое время подобрала для меня комплект каких-либо интересующих меня книг. Она мою просьбу выполнила со свойственной ей добросовестностью, то есть, покупая ту или иную книгу, Ольга Ильична уже мысленно прикидывала (по её рассказам) мой интерес к данной книге и после покупки откладывала её для ВДНХ. После набора книг на 50 руб. (более десятка книг) был выписан счёт, ВДНХ его оплатила, и я получил подарок к медали. Несколько книг из этого подарка и сейчас радуют меня.

Диана Абрамовна Демиховская многие и долгие годы была добрым гением для моей коллекции, да и для меня тоже. Время начала её работы в системе букинистической торговли практически совпало со временем нашего знакомства. Это был 1950 год. Тогда она начала работать в качестве младшего товароведа у, можно сказать, старейшины московских букинистов того времени — Михаила Ивановича Логинова. Этого магазина на углу Моховой улицы и Воздвиженки уже давно нет. Потом она работала ещё в трёх магазинах и была выдвинута, кажется в 1960 или 1961 году, в один из центральных магазинов, № 45, который располагался в здании гостиницы «Метрополь», где и прошли основные годы её букинистической карьеры. Все эти годы мы дружили. Она пополняла моё собрание, а я помогал ей в силу моих возможностей в решении различных житейских проблем.

Сказать, что с Николаем Николаевичем Лебедевым мы были близкими друзьями, не могу. Но сейчас, вспоминая все наши книжные контакты, испы-

тываю чувство глубокой симпатии и благодарности. Он очень многому меня научил за десятки лет нашего общения. Я бы мог перечислять его человеческие достоинства, среди которых была неизменная порядочность, доброжелательность, профессионализм, да и многие другие. Мне представляется, что вспоминая о нём, без которого моя коллекция не была бы собрана с такой полнотой, я выполняю свой дружеский долг. Николай Николаевич на протяжении нескольких десятков лет нашего знакомства работал в нескольких букинистических магазинах Москвы.

Конечно, я покупал книги и у многих других московских букинистов, но длительных дружеских отношений с ними я не имел, что не даёт мне права называть их друзьями.

### **Ленинградские букинисты**

В пятидесятых — семидесятых годах XX века организация букинистической торговли в Москве и Ленинграде существенно различалась. В Москве букинистические магазины были сосредоточены, в основном, в центральных районах города, я бы даже заметил, не в районах массового проживания населения. Поэтому сюда приходилось ездить для продажи книг со всех концов города. Такое положение означало, по моему мнению, что главной задачей букинистических магазинов была продажа книг. Тем более, что в Москве, ориентирующейся не только на местного покупателя, и цены были достаточно высокими.

А в Ленинграде, похоже, сеть букинистических магазинов была куда более рассредоточена, магазины были меньших размеров и достаточно часто меняли свои адреса. Так, на моей памяти, на проспектах и линиях Васильевского острова было несколько адресов магазинов, которые со временем перемещались в этом же районе. Такое же примерно положение было и на Петроградской стороне. Мне представляется, что это свидетельствует о желании максимально приблизить магазины к потенциальным продавцам книг. Чтобы им было близко и удобно; а то, что в старых районах Петербурга книг хранилось в те годы ещё достаточно, можно было увидеть в этих магазинах. Цены в этих периферийных магазинах были невысокими. Магазины меняли своё месторасположение, и довольно часто в них менялись работники. Это я к тому, что подружиться с ними москвичу, изредка посещающему Ленинград, было очень трудно. Зато в центральных магазинах работающие там букинисты профессионально ничем не уступали московским, а по обходительности и доброжелательству находились впереди.

Мне посчастливилось познакомиться с несколькими выдающимися профессиональными букинистами. Это, прежде всего, Иван Сергеевич Наумов, обаятельнейший человек, многоопытный в библиофильстве и лишённый того предпринимательского духа, который нет-нет да проскальзывал у его московских коллег. Я был знаком с Иваном Сергеевичем около пятнадцати лет, вначале когда он директорствовал в магазине в конце Невского проспекта ближе

к Московскому вокзалу, а потом в этом же качестве в самом большом и лучшем в городе магазине на углу Невского и ул. Герцена. Пётр Николаевич Мартынов также оказался для меня и, очевидно, для всех, кто его знал, исключительно приятным человеком и партнёром в собирательстве. Я был с ним знаком, когда он работал в магазине Академии наук СССР на Литейном проспекте, а потом в Лавке писателей на Невском.

Знал я и Павла Фёдоровича Пашнова — магазин на углу Литейного проспекта и улицы Жуковского. Это был очень знающий специалист, но более деловой, чем хотелось бы видеть рафинированного букиниста. Ещё помню женщину, работавшую в магазине Академии наук СССР. Имя и отчество этого товароведа-букиниста не помню, а то что именно она продала мне первые в моей собирательской истории книжки А. С. Пушкина, изданные при его жизни, помню прекрасно. Одна из них, «Две повести в стихах», была в первозданном виде с обложками и даже не разрезана.

Во-вторых, этот временной отрезок первой половины шестидесятых годов двадцатого века был переломным в отношении собирательства книголюбями, теперь можно сказать, библиофилами, антикварной русской книги, то есть книг, изданных в России до шестидесятых годов девятнадцатого века. До этого временного рубежа антикварную книгу собирали единицы любителей и знатоков в Москве и Ленинграде, а в остальных российских регионах, по имеющемуся у меня представлению, вообще собирателей не было. После опубликования Николаем Павловичем Смир-

новым-Сокольским книги «Рассказы о книгах» в 1959 г., а потом и его женой «Рассказов о прижизненных изданиях А. С. Пушкина» в 1962 г., вышедших сравнительно большим тиражом, а первая из них была дважды переиздана, так проявился читательский интерес к историям о судьбах старых русских книг; появилось значительное количество новых собирателей. Многие читатели и близкие к ним люди, которые не читали эти книги, но которым о них рассказали, стали обращать внимание на старинные книги, которые могли находиться без должного внимания в любом доме. В ленинградских магазинах старинные книги широко покупали в сороковые и пятидесятые годы. Так как продажа их была ограничена узким кругом московских и ленинградских покупателей, то огромное множество антиквариата накопилось во всех магазинах, ценились книги крайне низко, только так можно было надеяться их продать. После же опубликованных книг Н. П. Смирнова-Сокольского появились новые любители-собиратели таких книг, новое поколение любителей истории русской литературы и материальной культуры своей страны. К ним стал принадлежать и я.

Чтобы проиллюстрировать сказанное выше, приведу лишь один пример. При посещении мною Дома книги, который находился на Невском проспекте напротив Казанского собора, я обратил внимание на огромную стену с полками, сплошь уставленными антикварными книгами. По запылённому виду книг было видно, что их давно не брали в руки. По моим тогдашним знаниям, просматривая корешки книг, я

искал знакомые мне фамилии А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова и ряда других. Наконец, на самой верхней полке я увидел книги Н. Гоголя. Их было четыре, и когда я попросил продавца показать их мне, он с крайней неохотой, громко ворча, со словами «всё равно не купите», отправился за ними. Лезть за книгами пришлось, прибегая к помощи высокой стремянки, которую принесли из другого отдела. В общем, шума моя просьба наделала. В результате мне дали в руки 4 тома собрания сочинений Н. Гоголя издания 1842 года, в переплётах довольно хорошей сохранности. Прежде всего я обратил внимание, что не было тома или томов с «Мёртвыми душами»; попросив продавца поискать ещё тома, он посмотрел на пометку в первом томе цены, указал мне, что томов было куплено четыре. Когда же я взял в руки этот том, то увидел, что покупка этого собрания была совершена в 1954 году, и продажная цена была установлена 100 руб., а после 01.01.1961 года она была изменена на 10 руб. Дело было, наверное, в 1962 году.

Подержав в руках томики Н. Гоголя, раздражённый обращением продавца, мне показалось нецелесообразным приобретение неполного комплекта (я имею в виду отсутствие «Мёртвых душ») и покупать не стал. 8 лет никто не покупал, а я куплю? Нет, поступлю более мудро и не куплю! Сопровождаемый некоторыми не очень милыми комментариями, вышел из магазина. Походив ещё несколько часов по другим магазинам, я всё-таки решил купить 4 книжки Н. Гоголя за 10 руб.

Вернувшись в магазин, я с, видимо, гордым видом человека, не бросающего слов на ветер, попросил за-

вернуть книги, которые 2 часа тому назад оставил на прилавке. С не менее значительным видом продавец мне ответил, что издание продано. «Не может быть, — вырвалось у меня, — 8 лет не продавалось, а теперь продано немедленно». — «Да, пока вы смотрели книги, будущий покупатель стоял рядом и только вы отказались, немедленно их купил». Так я получил один их многих уроков собирательства. Теперь-то я знаю, что в это собрание «Мёртвые души» не входили по желанию Н. Гоголя. Он предпочёл издать «Мёртвые души» в этом же году, но отдельным изданием. К рассказанному могу добавить, что на протяжении последующих сорока лет мне ни разу не представилась возможность приобретения этого антикварного издания в подобном виде.

Исключительно приятным и полезным для моей собирательской жизни было знакомство с удивительным человеком, одним из наиболее авторитетных ленинградских букинистов пятидесятых-шестидесятых годов Иваном Сергеевичем Наумовым. Я знаю, что Н. П. Смирнов-Сокольский, В. Г. Лидин, П. Берков и другие книголюбы уже давали Ивану Сергеевичу высокие человеческие оценки в своих публикациях, но удержаться от возможных повторений по этому поводу не могу и не хочу.

Наше знакомство произошло весьма просто. Услышав какими книгами я интересуюсь у продавца, Иван Сергеевич включился в наш разговор со словами: «А сколько вам лет, молодой человек?» Я ответил: «Тридцать три». Фразой, что ему очень приятно видеть столь молодого человека, собирающего



антикварные книги, и что он будет мне помогать, он тут же завоевал мою симпатию. Читатель может усомниться в силе моей памяти, ведь этот разговор происходил более сорока лет тому назад. Помню это я ещё и потому хорошо, что тогда же Иван Сергеевич подтвердил свои слова о помощи, предложив мне, начинающему книголюбу антиквариата, пушкинскую прижизненную книжку «Бахчисарайский фонтан» издания 1827 г. с 4мя гравюрами Галактионова.

Показав мне цену 1500 руб. (дело было до 01.01.1961 года), посоветовал мне её купить. У меня не было с собой такой суммы, я уже собирался возвращаться в Москву, да и что греха таить, мне, начинающему собирать прижизненную Пушкиниану, цена показалась увесистой. Когда же отказался, Иван Сергеевич проникновенно посмотрел на меня и произнёс слова: «Александр Львович, запомните этот день. Следующий раз в продаже эту книжку вы увидите не скоро, или вообще не увидите!» Не запомнить это я не мог, тем более, что больше никогда в продаже эту книгу я действительно не встречал. Знаю, что Иван Сергеевич позвонил в Москву другому, более толковому и состоятельному книголюбу, и тот специально приехал в Ленинград и купил это редчайшее издание, главным образом из-за гравюрок. Ведь кроме фронтисписа к первому изданию «Руслана и Людмилы» 1820 г. эти гравюрки делают «Бахчисарайский фонтан» 1827 г. единственным иллюстрированным изданием среди всей прижизненной Пушкинианы. Разумеется, не считая периодических изданий.

В дальнейшем, при неоднократных посещениях Ленинграда я слушался Ивана Сергеевича беспрекословно. Он был директором крупного букинистического магазина на углу Невского проспекта и улицы Герцена со стороны Арки Главного штаба в самом сердце города. Для меня каждое посещение этого магазина было маленьким праздником. Иван Сергеевич вёл своё дело особенным образом, помимо двух больших залов, подсобного помещения у отделов, небольшого директорского кабинета, у него была довольно большая комната, где он хранил наиболее редкие и ценные издания, наиболее удачные покупки. Иван Сергеевич называл это помещение скромно — «кладовка». Книги могли там храниться многие годы, пока не находился покупатель, который, по мнению хозяина, был достоин получить книгу, которую он спрашивал, а в «кладовке» она была. Иван Сергеевич редко кого пускал в это помещение, обычно он сам выносил оттуда книги, которые он решил продать. Мне посчастливилось только один раз зайти в эту комнату. Когда я в очередной раз представлялся его взору, он восклицал: «А, мой москвич прибыл!» Вполне вероятно, что не только меня он встречал так радушно, но и других москвичей. Тем не менее, дальше его фраза продолжалась: «Чем же вас в этот раз порадовать?», и он шёл в кладовку и обязательно возвращался в книгами, которые я неизменно покупал, и никогда об этом не жалел. Перечислять эти покупки не буду, перечень был бы очень велик. Много альманахов пушкинского времени, отменные редкости вроде «Вадима Новгородского» и т. п.

Однажды, когда я с другом отправился на автомобиле в отпуск на Карельские озёра, мы неизбежно должны были пересечь Ленинград. Это было в июле 1965 года, в автомобиле, загруженном палаткой, разборной байдаркой, да и многим другим имуществом, необходимым для походной жизни, мы въехали в Ленинград, проехали по всему Невскому и остановились на ул. Герцена у магазина. К великому моему огорчению, мне сообщили, что Иван Сергеевич в отпуске. Тогда я решил внимательно осмотреть все полки, где выставлялись наиболее значительные покупки.

Внимание моё было вознаграждено, на этот раз на самой нижней полке, почти на уровне пола я увидел внушительный фолиант с тиснением на корешке «Путешествие из Петербурга в Москву». Немедленно попросив её показать, я прочитал, что это суворинское переиздание, выпущенное в нумерованных экземплярах, в том числе первых тридцати на японской бумаге большого формата. Удивлённый редкостью, которую я держал в руках, я прочитал, что номер экземпляра девятнадцатый, переплётён в шикарный полукожаный переплёт синего цвета работы известного переплётчика Ро и что цена книги 40 руб. Для того времени это были немалые деньги (билет на поезд до Ленинграда стоил 10 руб.), но никакое сопоставление этой цены с книгой, которую я держал в руках, не было бы адекватным. Конечно, я её купил, и так как ехал в отпуск за другими романтическими впечатлениями, положив книгу на полку над задним сиденьем, поехал дальше. При возвращении домой подробно и тщательно изучил покупку и с гордостью,

в которую включалась большая радость, поставил книгу на полку.

Я, может быть, не вспомнил бы для заметок эту историю, если бы не неожиданный финал. Находясь через месяц в Ленинграде, я, конечно, посетил и магазин Ивана Сергеевича. Спросив у него, что нового и хорошего, он весьма огорчённо рассказал мне историю, что когда он был в отпуске, их магазин купил редкую книгу. «Вы только представьте себе суворинского нумерованного Радищева, как говорят, в отличном переплёте, и не беда, что я его не видел, а беда в том, что по рассказу продавщицы его купил какой-то незнакомый им человек. Понимаете моё крайнее огорчение — такая книга попала или могла попасть человеку не книголюбу. Это уж совсем не позволено для людей нашей профессии». Внимательно посмотрев на Ивана Сергеевича, думая, порадуется или нет его моё сообщение, я решил сказать всё, как было. Надо было видеть его лицо, как он обрадовался, сказав: «Ну, слава Богу, книга хоть попала в хорошие руки». В этих руках она хранится и поныне.

Примерно в то же время заведующая отделом покупки Московского букинистического магазина № 45 «Антиквар» Диана Абрамовна Демиховская, сыгравшая в моей собирательской жизни значительную роль, познакомила меня с Игорем Васильевичем Кочуриным. Дать характеристику этому человеку как специалисту не могу, так как он был поистине энциклопедист-коллекционер, он собирал картины, рисунки, гравюры, монографии, книги, старинное серебро, табакерки и, мне кажется, многое другое.

Он не только собирал, но и очень многое знал о предметах коллекционирования. Как человек он был добрейшей души, отзывчивый, приятный в отношении, очень многому меня научивший, главным образом, в области изобразительного искусства. Не только картинки, значительную часть которых он мне подарил, и которые украшают мою жизнь, но и знания о художниках, эпохах, в которую они творили, и многое другое. К сожалению, он ушёл из жизни довольно рано. Был яркий авторитетный человек (я имею в виду область изобразительного искусства), в этом я имел много случаев убедиться. Достаточно припомнить один из них. Как-то раз, произведя очередной обмен с ним коллекционными ценностями, в данном случае небольшую картинку Константина Коровина, как он написал сзади неё, на дюжину редких алкогольных напитков различных стран, и получив от него советы, в каких книгах искать подтверждения такой серьёзной атрибуции и не найдя ничего подобного, я решил попробовать с картинкой расстаться. Это было уже после его смерти. И первый, кому я её предложил, увидев надпись на её обороте, и, главное, подпись Кочурина, спросил: «Это что, Кочурин написал?» И после моего утвердительного ответа сказал, что он охотно её купит. Я обещал подумать и «думаю» до сих пор.

В процессе нашего дружеско-делового общения неожиданно для меня выяснилось, что Игорь Васильевич является близким другом Наумова. При этом он мне заявил, что в заветной «кладовке» бывал неоднократно, бывал также и дома, знал супругу и т. п.

К сожалению, воспользоваться этим полезным для меня обстоятельством мне почти не удалось, так как спустя небольшой отрезок времени после этого открытия неожиданно ушёл из жизни Иван Сергеевич, и магазин стала возглавлять Галина Ивановна Давыдова, которую тоже очень хорошо знал Игорь Васильевич. И ничего необычного в этих моих воспоминаниях не было бы, если бы не продолжение. Игорь Васильевич договорился с новым директором, которому знаменитая «кладовка» была не нужна, что она книги, находящиеся там, будет продавать ему. Я получил лакомое предложение участвовать в этом деле освобождения «кладовки» от книг. Завлёл меня Игорь Васильевич также и тем заверением, что он много раз там бывал и знает точно о нахождении в ней прижизненного издания Шекспира, и что, получив его, мы обогатимся. Вот мы начали каждую субботу ездить в Ленинград только в этот магазин. Галина Ивановна выносила из «кладовки» значительные партии книг, которые нам предлагались. Тут были книги разных эпох и значимости, и камнем преткновения при их покупке была проставленная на книгах цена. Дело это было в начале семидесятых годов, а цены на книгах были неадекватны той конъюнктуре, которая сложилась в семидесятых, ведь они были оценены не только в шестидесятых годах, но и во всех пятидесятых, так долго они хранились в магазине.

Чтобы работники магазина и семья покойного могли каким-то образом воспользоваться плодами столь необычной ситуации, мы договорились, что независимо от того, какие книги покупаем,

мы платим двойную цену — одну в кассу магазина, другую — вне кассы, как сейчас бы сказали, в теневой оборот. Всё равно для нас (помимо Шекспира) это было чрезвычайно интересно. Помимо затрат на «Красную стрелу», такси в Ленинграде и Москве и другие затраты, они с лихвой окупались пополнением моего книжного собрания и некоторой разницей в ценах тех книг, которые мы реализовывали в московские магазины.

Так продолжалось довольно долго, но постепенно книжная река мелела и, думаю, не только по объективным причинам, уменьшением числа оставшихся книг, но и благодаря вмешательству конкурентов.

Когда вся эта эпопея, другого слова не нахожу, закончилась, мы прижизненного Шекспира не обнаружили, хотя при последних наших посещениях нас уже пускали в «кладовку», которая, таким образом, закончила своё существование. Хотя на полную достоверность этого заключения не претендую; возможно, ленинградские книголюбы, которые были желанными посетителями этого магазина, знают больше. Десятка три книг из этой «кладовки», купленные уже после смерти Ивана Сергеевича, украшают моё собрание и теперь.

Вторым ленинградским букинистом-антикваром, о котором я бы хотел сказать несколько слов, был Пётр Николаевич Мартынов. Я с ним познакомился поближе, когда он работал в книжной Лавке писателей на Невском проспекте на углу набережной Фонтанки. Он руководил там отделом старой книги. Знакомство произошло, когда в Лавку поступила большая

партия отменных книг. Случайно зайдя в этот магазин, я увидел книги в отличных старинных переплётках прекрасной сохранности. Цены были доступные, и я тут же все деньги, которые были со мной, оставил в магазине и пошёл пешком в гостиницу «Октябрьскую», где я тогда жил, будучи в командировке.

Дело было в последней декаде декабря. Задерживаться в городе у меня намерений не было, и я отправился к родственникам и знакомым за краткосрочным кредитом. В середине января я опять должен был приехать в Ленинград и мог отдать все долги. Получив приличную сумму в долг, я на другой день опять отправился в Лавку писателей. Кроме книг, которые я вчера не мог купить из-за отсутствия средств, Пётр Николаевич предложит мне ещё много и много книг, таких же интересных по своему коллекционному уровню. Я спросил у него, откуда книги, и он мне назвал неизвестную мне фамилию, сказав, что бывший хозяин был управляющим объединением «Ленкнига», недавно умер, и наследники продают библиотеку, и книг ещё будет много, а сейчас конец месяца, план товарооборота выполнен, и больше в этом году продавать не будут, пригласив меня непременно посетить магазин в январе. Это совпадало с моими планами, и я успокоенный вернулся с покупками в Москву, оставив на полках магазина много хороших книг. Вернувшись в десятых числах января с солидной суммой средств, я застал пустые полки.

Когда же я спросил у Петра Николаевича, где же обещанные книги, он ответил, что приехала из Москвы группа любителей сразу же после нового года и



купила все книги. Я рад, что от этого эпизода собирательской деятельности у меня сейчас на полке стоят несколько книг, в том числе изумительные экземпляры собраний сочинений И. А. Крылова 1847 и 1895 годов. Последнее состоит из двух томов в цельнокожаных переплётках с увесистыми барельефами И. А. Крылова на крышках переплётков, выполненных из какого-то жёлтого металла. Каждый томик находится в отдельной коробке.

Потом было ещё много приятных встреч с этим обаятельнейшим интеллигентным человеком, и я был немало удивлён, когда прочитал в книжке его воспоминаний, изданных в 1969 году, что Пётр Николаевич родился тринадцатым ребёнком в семье ремесленника, бывшего крестьянина. Вот что профессия букиниста сделала с человеком!

Мне хочется вспомнить и последнюю нашу встречу. Приехав в очередной раз в Ленинград и зайдя в Лавку писателей, я был огорчён сообщением, что он уже не работает и находится дома. Я знал номер домашнего телефона и позвонил ему. Он пригласил навестить его дома. Это было в 1967 году. По его тону мне показалось, что он нуждается в какой-либо помощи. Поэтому я немедленно отправился к нему.

Я ожидал увидеть какую-нибудь отборную библиотеку, большое количество книг. Но то, что я увидел, повергло меня в изумление. У человека, проработавшего полвека в мире книг, не было даже книжного шкафа. Видимо, оценив мою растерянность, он показал на небольшую этажерку с десятком, не больше, книг и сказал: «Александр Львович, я вас пригласил,

чтобы предложить купить у меня эти последние мои книги. Мне не хотелось бы, чтобы картина, которую вы увидели, представилась глазам ленинградского собирателя, вы меня понимаете?» Я понял. «У меня совсем немного книг, и я хочу, чтобы они попали к вам. Во-первых, это три тома первого издания романа Л. Толстого «Война и мир» в хороших переплётках того времени. Через год, в 1968 году меня, наверное, уже не будет, я серьёзно болен, будут, очевидно, отмечать столетие со дня выхода этого романа, и пусть это издание будет у вас в память о нашем общении. Вот ещё два тома Р. Н. Минцлова о редких книгах, изданных не для продажи. «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке». Напечатано 100 экземпляров не для продажи, Спб., 1904 г. и «Опись книгохранилища Сергея Рудольфовича Минцлова», напечатано 40 экземпляров не для продажи, Спб., 1905 г.

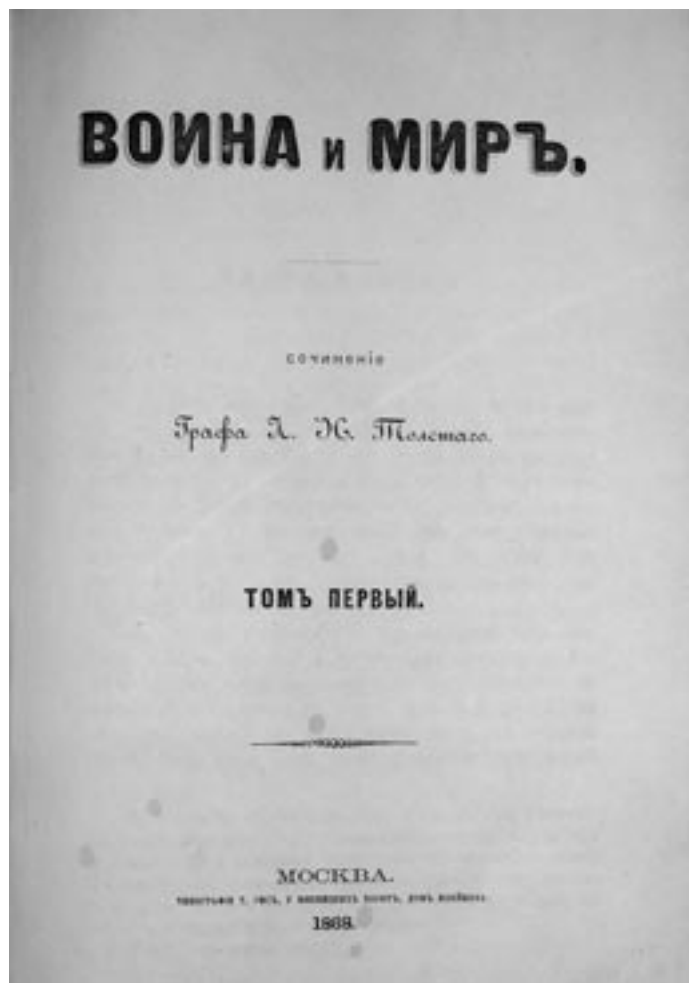
Три тома романа «Война и мир» издания 1868 года в идеальном состоянии, как и книжки Минцлова, украшают вот уже тридцать пять лет мою библиотеку.

Я всегда с большой радостью использовал любой предлог, позволяющий мне лишний раз посетить Ленинград. Помимо удовольствия ещё одного свидания с прекрасным, мне почти всегда сопутствовала удача. Ещё о трёх своеобразных случаях мне хотелось бы рассказать.

Отдыхая в один из очередных отпусков в подмосковном санатории (дело было в феврале—марте 1966 года), я сидел после ужина в кинозале, смотрел какой-то малоинтересный фильм и затосковал. Раз-

мышляя о том, о сём, я сказал себе: «Что ты сидишь тут, скучаешь? А не скатать тебе в Питер в поисках приключений?». Недолго думая, я отправился в свою палату (так называются комнаты в лечебных и санаторных учреждениях), соответствующим образом оделся, взял необходимые документы и все имеющиеся у меня в санатории средства, отправился в Ленинград. Намерения мои были реалистичными. Ведь наиболее удобные поезда отправлялись с Ленинградского вокзала поздно вечером с 23 до 24 часов. Покинув санаторий около 22 часов, я попал на платформе Чкаловская на электричку, приходящую на Ярославский вокзал Москвы около 23 часов. Ярославский вокзал находится в непосредственной близости от Ленинградского. На моё удивление, были некоторые трудности с приобретением билета; оказалось, что не я один хочу попасть в Ленинград. Но они были преодолены, и на следующее утро я пошёл завтракать не в санаторную столовую, а в кафе на Невском проспекте.

Было очень холодно, наверное, около 30о мороза. В это время года в Ленинграде рассветает очень поздно. После завтрака я отправился по Невскому проспекту, имея в виду, в первую очередь, проинспектировать букинистические магазины. Но они оказались все закрытыми (было, напоминая, воскресенье), по крайней мере, те, которые были расположены между Московским вокзалом и гостиницей «Европейская». Она в то время была одна из лучших гостиниц, и я подумал: «Пора обзавестись и домом, а то на улице очень холодно». Без всякой надежды обратился к ад-



министратору: «Мне бы номер на одни сутки». Отказано мне было немедленно, потом, видимо, в чём-то сомневаясь, администратор: «Сейчас уточню одну деталь» и, поговорив с кем-то по телефону, сказал, что «случайно есть один номер, он только что вышел из ремонта, но он большой, свыше 40 м<sup>2</sup> одна комната, и стоит недешёво». Но когда на улице сильный мороз, то нет более убедительного повода для излишеств.

Номер я взял. В этом номере и мебель была соответствующая — старинная и богатая. Одна кровать была почти королевского вида (по крайней мере, я видел такие в книжных иллюстрациях). Мне стало тепло и уютно. Я подумал: «Вот она, жизнь: сижу в шикарном номере известнейшей гостиницы, свободен, никто не знает, что я нахожусь здесь». Деньги ещё есть, и я приступил обзванивать друзей, приятельниц, знакомых в надежде использовать с удовольствием сложившуюся ситуацию. Но в это воскресное утро никто из них не оказался свободным, а одна из приятельниц заявила мне, что она «на днях выходит замуж и не намерена теперь тратить на меня какое-либо время». Я слегка загрустил, не зная, как поступать с приключениями дальше. Вовремя вспомнил, что до одного крупного букинистического магазина я не дошёл, а он располагался как раз недалеко от гостиницы.

Слегка обогретый в номере теплом уюта и несколькими глотками ленинградской старки (особо ценимой московскими потребителями), я отправился в магазин, который, к моему удивлению, в отличие от других оказался открытым. Глянув на прилавок с

антикварными книгами, я не поверил своим глазам. Прямо на меня смотрел «Герой нашего времени», 1841 г. издания. Это было второе прижизненное издание произведения Михаила Юрьевича Лермонтова во вполне достойном виде. Не веря своим глазам, я попросил дать мне в руки книгу! Мне дали; рассмотрев книгу и цену на неё, я понял: «Вот оно, искомое приключение». Приобретение этой книги для своей коллекции оправдывало все затраты и неудобства этой поездки. Купив книгу, я вернулся в гостиницу; время было между 2мя и 3мя часами дня.

Теперь я сидел в номере с редчайшей книгой, но уже со значительно уменьшенной суммой денег, что сокращало сильно горизонт предстоящих приключений. Размышляя о жизни и держа в руках купленную книгу, мне представилось моё ближайшее будущее в городе на Неве — сильный мороз, отсутствие достойной суммы средств и чувство исполненного долга. Итог размышлений — звонок в аэропорт о ближайшем рейсе в Москву. Через полчаса я сдавал ключи от недоиспользованного номера удивлённому администратору, который, в первую очередь, сообщил мне, что уплаченные деньги возврату не подлежат (а я и не рассчитывал) и послал в номер проверить, не унёс ли я что-нибудь. Всё это продолжалось минуты, и ещё через несколько мгновений я сидел в такси, направляясь в аэропорт.

Ужинал я уже в санаторной столовой. В Москве, кстати, было значительно теплее. А уж как грел мою душу «Герой нашего времени» — боюсь выразить на бумаге, не смогу.

Второй случай произошёл также в середине 60х годов. В системе Главного управления автомобильного транспорта, где я работал, можно сказать, в «центральном штабе», был создан вычислительный центр. Это была дань научно-техническому прогрессу в области применения экономико-математических методов в управлении и использования молодой ещё вычислительной техники. Ввиду полной новизны этого дела, смета затрат на содержание этого центра утверждалась в соответствии с приблизительными нуждами и расчётами (центр ещё не был хозрасчётным, как впоследствии). В итоге первого года функционирования выяснилось к IV кварталу года, что имеется значительная экономия средств по статье «Командировочные расходы». По существовавшему в те годы порядку неистраченные в запланированный календарный период для учреждения средства пропадали. Тогда директор вычислительного центра созвонился с ленинградскими коллегами и договорился о поездке москвичей для обмена опытом.

Денежных средств по статье было достаточно для поездки трёх человек на три дня. Вот тут то я, следивший (по долгу службы) за этими организационными мероприятиями, вмешался. Я хотел стать одним из этих троих. Но сделать документально правильным это было невозможно. Я не мог быть командирован нижестоящей организацией, а моя не имела сэкономленных средств. Выход был один — командировать третьим сотрудника вычислительного центра и мне ехать по его документам. Такой сотрудник нашёлся,

то есть он согласился дать мне на 3 дня свой паспорт и, естественно, командировочное удостоверение, выписанное на его имя. Некоторая трудность состояла в том, как с этим документом попасть в гостиницу, где были забронированы 3 номера. Конечно, администратор не знал, и не мог знать, что человек, чей паспорт был ему предъявлен в комплекте с двумя другими, был почти в 2 раза моложе меня и на 20 см. ниже, и по фотографии сильно отличался, но ему это было не нужно. Номер был забронирован на эту фамилию, три регистрационных бланка с тремя паспортами были ему предоставлены, и я оказался обладателем номера, но не на своё имя. «Ну и что,— подумал я,— были бы удачные покупки».

А они были! На редкость удачная была поездка! Именно тогда я купил первое издание «Горе от ума», 1833 г. с внесёнными цензурными утратами, сделанными (судя по почерку) первым владельцем книги; редчайшее отдельное издание «Вадима Новгородского», 1792 г. и несколько других известных книжных раритетов.

Было бы несправедливым не добавить к этому, что мои коллеги по командировке не были сильно загружены обменом опытом с ленинградскими коллегами, не в последнюю очередь потому, что его у них не было, и это давало нам возможность интересно провести время. Сделано это было, возможно, и потому, что один из нас троих имел хорошие связи с ленинградцами и ленинградками. С удовольствием вспоминаю проведённые дни с выражением несколько запоздалой благодарности Марку Ходошу, с которым

мне пришлось тогда делиться своими познаниями о приобретённых книгах.

И, наконец, третий случай носил более серьёзную подоснову. В 1972 году стояло очень жаркое лето. В его разгаре мне пришлось с неясными недомоганиями обратиться к врачу. Сначала один, а потом и несколько врачей диагностировали у меня сердечные недуги, продержав меня довольно долгое время дома, а не на работе. После чего за мной закрепилось медицинское понятие «сердечник». Когда же к концу года подходило время моего отпуска, то медицинское учреждение, к которому я был прикреплён, определило мою участь на санаторное лечение — только в санаторий для сердечников. Конечно, сам за свой счёт я мог ехать куда угодно. Но курортную карту и льготную (по оплате) путёвку в санаторий я мог получить только по показаниям лечащих врачей. Не в состоянии устоять перед искушением получить льготную путёвку и, тем самым, сэкономить существенную толику денежных средств, я согласился на незавидную участь лечащегося в сердечном санатории, но попросил найти мне подобный санаторий не в окрестностях Москвы, что было бы традиционным, а в окрестностях Ленинграда.

Уже тогда я представлял себе картину: «Просыпаюсь под Ленинградом, чтобы отправиться по ленинградским букинистическим магазинам, мне ведь достаточно сесть в пригородную электричку». Такие мысли мне сильно скрашивали свидание со многими людьми с больным сердцем. Лечебное учреждение

довольно долго оформляло соответствующие документы, и искомую путёвку я получил уже в первых числах января 1973 года.

В этой поездке действительность далеко не достигла моих ожиданий. Санаторий находился не то в Репино, не то в Зеленогорске (около часа езды до Выборгского вокзала) и предназначался для больных, недавно перенёсших инфаркт сердечной мышцы и отправляемых в этот санаторий на долечивание. В связи с тем, что у меня тогда этой болезни не было, я сразу почувствовал себя неудобно, а когда познакомился с меню завтраков, обедов и ужинов, то загрустил совсем. Сейчас, когда прошло уж много лет после моего пребывания в санатории, у меня в памяти осталась брюква, как основа многих первых и вторых блюд в столовой.

Узкие специалисты по лечению постинфарктных больных, врачи санатория как лечить доинфарктных больных, наверное, не знали. Во всяком случае, режим питания и лечебные процедуры применялись ко мне, как и ко всем другим. В результате моё самочувствие постепенно ухудшалось.

Не спасли даже около десятка набегов в букинистические магазины. Покупки были не выдающиеся. Это были уже, увы, не пятидесятые, даже не шестидесятые годы. Прилавок антикварных книг заметно оскудел. Спрос намного превышал предложение. Не было в живых уже Мартынова П. Н., Наумова И. С. и некоторых других видных букинистов.

Поездки из санатория были малоприятны. Это был ленинградский январь, т. е. мутный естествен-

ный свет с 11 часов утра до 4 часов дня, а до него и после него мрак. Погода была плохая. По Пушкину:

«... В тот год осенняя погода  
Стояла долго на дворе.  
Зимы ждала, ждала природа.  
Снег выпал только в январе,  
На третье в ночь...».

В отличие от пушкинской картины снег выпал только 13–15 января. За целый санаторный срок один «Альманах для детей» 1844 г., издаваемый П. Фурманом, мне в коллекцию и несколько книг из разряда «так себе». Кроме этого итога, испорченное здоровье.

После возвращения в Москву, врачи признали свою ошибку. Определили точный диагноз и, соответственно, изменили лечение. Так что посещение Ленинграда оставило бы совсем мрачные воспоминания, если бы не случайная встреча с одной моей ленинградской приятельницей, которая проводила свой отпуск также в Зеленогорске на базе отдыха предприятия, где она работала заведующей научной библиотеки. Она, как могла, окрашивала в более светлые тона мои столь тёмные ленинградские будни в январе 1973 года.

Рассказав о трёх неординарных случаях в моей собирательской жизни, я хотел лишь показать, какой романтикой может быть окружена жизнь собирателя и коллекционера книг.

Так сложилась моя жизнь, что я уже много лет не был в Санкт-Петербурге (Ленинграде), но память о контактах с ленинградскими букинистами до сих пор греет мою душу собирателя книг. Много, очень много

находок было сделано с их помощью. Я бы даже заметил, что книги, приобретённые в Ленинграде и хранящиеся у меня, кажутся мне более симпатичными, чем приобретённые в других городах.

### Стрекоза и муравей

Иван Андреевич Крылов прожил большую жизнь — 76 лет. Из них более 50 лет он находился на творческом поприще. Вначале как комедиограф, журналист, издатель журналов и последние 30 лет как баснописец. Естественно, что захватив последнюю треть XVIII века и почти первую половину XIX, и будучи таким разносторонним деятелем в области литературы, И. А. Крылов в своих изданиях оставил немало (очень много) интересного для изучения этой эпохи. Поэтому собирать коллекцию прижизненных изданий И. А. Крылова для любителя истории своей страны очень увлекательно. Многие аспекты жизни различных слоёв общества можно познать из его публицистики, драматургии и, конечно, лучших русских басен. Мне представляется, что после собирания коллекции прижизненных изданий А. С. Пушкина, прожившего более, чем вдвое короткую жизнь, но оставившего огромное литературное наследство, собирание прижизненных изданий И. А. Крылова может быть второй по значимости и интересу целью.

Так как изданий басен Крылова я видел в магазинах достаточно много (речь идёт о шестидесятих годах), я решил попытаться собрать все его прижиз-